

Я был на «Новороссийске»...

Воспоминания очевидца гибели линейного корабля

Владимир Васильевич Заборский - капитан 1 ранга в отставке.

Иван Георгиевич Смоляков. Участник Великой Отечественной войны, в 1955-м - капитан 2 ранга и флагманский артиллерист эскадры ЧФ. 29 октября он, являясь оперативным дежурным (ОД) эскадры, находился на борту линкора с начала и до конца катастрофы.

НОЧНОЙ ВЗРЫВ

Во второй половине дня 28 октября 1955 года отряд кораблей во главе с флагманом эскадры Черноморского флота крейсером "Фрунзе" возвращался из похода в Севастополь. Линкор "Новороссийск", действовавший по своему плану, заходил в базу первым и довольно долго швартовался на свои штатные бочки #3. Он перегородил бухту, и остальные корабли были задержаны на внешнем рейде. Около 18 часов крейсер "Фрунзе" наконец ошвартовался на свои бочки в Севастопольской бухте. Я собрался было сойти на берег, но получил неожиданное приказание заступить оперативным дежурным (ОД) эскадры и перевести ее флагманский командный пункт (ФКП) на линкор "Новороссийск" - прежнего ОД отправили зачем-то на берег и мне его пришлось заменить.

Перевод ФКП закончили к 19 часам, на грот-мачте линкора после спуска флага включился флагманский огонь. Обстановка на корабле и в целом на эскадре спокойная. Объявлено увольнение личного состава на берег. С линкора сошла большая группа курсантов Черноморского ВМУ - у них закончилась корабельная практика (повезло ребятам!). Со мной в оперативной рубке ФКП находились мой помощник мичман Николай Нежмаков и молодой матрос-рассыльный (фамилию не помню). Где-то к часу ночи принял доклады от дежурных по бригадам эсминцев, кораблей и служб эскадры и доложил обстановку ОД флота. Помню, что где-то в 1 час 15 минут прилег прикорнуть на раскладушку.

Проснулся от сотрясения корпуса корабля - какой-то глухой двойной толчок, не очень сильный. Машинально взглянул на часы - 1 час 30 минут. Подумал, что, наверное, в борт ударил при швартовке ожидавшийся буксир с продовольствием. У меня в оперативной рубке упал единственный незакрепленный стул и опрокинулась чернильница-непроливайка на столе. Выскочил на флагманский мостик. Палубное освещение не горит, видно плохо, но передо мной, внизу на палубе, во тьме просматривается странная картина и творится что-то непонятное. Перед первой башней главного калибра смутно различаю какой-то черный ком. Как потом оказалось, это была вырванная взрывом "рванина" - как бы сужающаяся вверх пирамида (вернее, "роза") листьев стального настила палубы с рваными краями. Вокруг этого "кома" суетятся матросы, причем все почему-то черные! Телефон не работает. Послал помощника узнать, что случилось. Тем временем разнеслись сигналы аварийной тревоги, отбиваемые рындой, поскольку громкоговорящая трансляция дежурного по кораблю и звонковая сигнализация вышли из строя.

Первый доклад, который я получил от дежурного по кораблю, был такой: сдетонировали артиллерийские погреба носовых башен главного калибра. Но я-то вижу, что это неверно: башни передо мной, невредимые. Если бы сдетонировали погреба, от линкора, по крайней мере, его носовой части и меня в том числе, ничего бы не осталось. Тем временем по кораблю восстановили палубное освещение, громкоговорящую трансляцию, звонковую сигнализацию. Сыграли боевую тревогу. Экипаж действовал четко, как предписано расписаниями, никакой паники. При свете вижу, что из "рванины" выносят раненых и убитых, все в грязи и крови (взрыв

прошел через носовые кубрики экипажа). Вернулся помощник и доложил, что, вероятно, взорвалось бензохранилище, расположенное под палубой перед носовой броневой переборкой цитадели. На самом деле, как оказалось впоследствии (выяснилось уже в ходе расследования после осмотра днища корабля водолазами), корабль от внешнего взрыва получил гигантскую пробоину от днища до верхней палубы. Взрывом выбросило вверх громадное количество придонного ила.

Семафором дал на корабль эскадры приказание выслать к линкору плавсредства с врачами, санитарями и аварийными партиями. УКВ-радиосвязь и телефонная связь с берегом не работали. Также семафором доложил ОД флота: "В носовой части корабля взрыв. Уточняю обстановку. Нуждаюсь в медпомощи и аварийно-спасательных средствах". Послал помощника на барказе на Минную стенку объявить командованию и штабу эскадры "экстренный сбор". Нежмаков все это выполнил и возвратился.

Восстановили УКВ-радиосвязь. Повторно доложил всю обстановку ОД флота, попросил оповестить начальника штаба эскадры контр-адмирала Никольского (врио командира эскадры - командир эскадры был в отпуске). По переговорной трубе передал приказание на ГКП корабля: "Командиру БЧ-2, командирам башен и батарей лично проверить погреба боезапаса". Вскоре командир БЧ-2 доложил, что в погребах сухо, боезапас в порядке.

Первым из командования на корабль около 2 часов прибыл командующий флотом вице-адмирал Пархоменко. Вслед за ним - Никольский. Потом примчались начальник штаба флота, член военного совета ЧФ, начальник технического управления флота и много других должностных лиц. Конечно, присутствие большинства из них не требовалось - прибыли они "по обычаю", когда случаются на флоте ЧП, с которыми разбирается лично командующий.

ПОСТЫ БЕЗ ПРИКАЗА НЕ ОСТАВЛЯЛИ

Не буду распространяться, как все дальше происходило, - все это давно подробно описано. Остановлюсь только на отдельных подробностях, которые видел собственными глазами, испытал на себе, прочувствовал и пережил.

Через некоторое время меня вызвал на ют Никольский и приказал как флагарту эскадры лично проверить артпогреба носовых башен главного калибра. Оставил помощника на УКВ-радиосвязи в рубке и отправился выполнять приказание. В первую башню не попасть - ее барбет полностью в воде, так как корабль уже получил значительный дифферент на нос (в итальянских башнях вход снизу через барбет, а не через броневую дверь в задней стенке башни, как в отечественной артиллерии).

Спустился на броневую палубу и проник в верхнее перегрузочное снарядное отделение. Оно полузатоплено, но снаряды стоят целыми и невредимыми. На броневой палубе вода доходила уже до верха комингсов люков погребов. Люки открыты. Кричу в зарядный погреб: "Есть кто живой в погребах?" Через некоторое время получаю ответ: "Есть, матрос такой-то". Спрашиваю, что творится в погребе. Он мне отвечает, что в погребе сухо, заряды в порядке (то есть вода подступала сверху, через броневую палубу, но погреба еще не заливало. - В.З). Даю ему приказание: "Выходи наверх". Отвечает: "Не могу, старшина команды приказал мне оставаться в погребе, в случае поступления воды конопатить швы". Кричу ему: "Я, флагарт эскадры, капитан 2 ранга... приказываю выйти наверх!" Только после этого матрос вылез ко мне. Жаль, не запомнил его фамилию, не знаю, уцелел ли он. Рядовой матрос, а какая ответственность! Гибнет, а

приказание всего лишь старшины команды неукоснительно выполняет! И таких примеров высокой ответственности экипажа было множество.

К этому времени стали подходить буксиры и суда аварийно-спасательной службы (АСС) для буксировки линкора за корму. Корабль довольно долго стоял на ровном киле, постепенно погружаясь носом. Крен на левый борт начался после того, как "Новороссийск" попытались отбуксировать за корму, разворачивая влево к берегу. Потом крен стал быстро расти. Я уже не мог стоять, не держась за переборки оперативной рубки. Причем буквально разрываюсь: Пархоменко и Никольский дают мне приказания и запросы, которые я передаю на корабли и ОД флота. Периодически спускаюсь вниз для доклада им обстановки. В то же время ОД флота требует, чтобы я не отлучался от выносного поста радиосвязи (ВПС) и постоянно докладывал ему, что происходит на корабле.

До сих пор не могу забыть такой эпизод. Где-то около 3 часов 30 минут получаю доклад от старшины радиовахты приемопередающего центра радиосвязи (под броневой палубой глубоко внизу): "Товарищ оперативный, через две-три минуты затопит агрегатную, связь прекратится. Разрешите радиовахты флагманского корабля передать на крейсер "Фрунзе". Крейсер к приему радиовахт готов". У меня буквально горло перехватило - вот такой был этот старшина! Настоящий герой! Гибнет вместе с расчетом поста, но прежде всего думает о своем долге, важности обеспечения радиосвязью флагманского корабля и сохранения управления эскадрой. Отвечаю ему: "Добро! После передачи радиовахт со всем расчетом немедленно выходите наверх!"

Действительно, через две минуты мой ВПС обесточился, радиосвязь по УКВ прекратилась. Послал рассыльного доложить командованию о переносе радиосвязи флагманского корабля. Крен к этому времени еще больше увеличился. Откровенно говоря, я уже не надеялся, что мой рассыльный, совсем молодой матрос, доберется до юта и возвратится. Но он все выполнил и возвратился с приказом Никольского перевести ФКП эскадры тоже на крейсер "Фрунзе". Мы с рассыльным подхватили сейф (переносной) с секретными документами, пенал с картами и двинулись на ют. Пробирается было очень трудно - крен еще больше возрос, в носовых помещениях темнота, вода распространяется по броневой палубе, везде аварийные партии ставят подпоры на переборки и борются за живучесть корабля. Выбрались с трудом на верхнюю палубу. На юте и шкафуте правого борта скопилось, на мой взгляд, около трехсот человек личного состава. Держатся кто за что: те, что у лееров, - держатся за них, последующие ряды - друг за друга. Обстановка напряженная, но никакой паники. Леера левого борта корабля уже погрузились в воду.

С трудом добрался до площадки правого трапа, где находилось командование, - самая верхняя точка, с которой видна вся прилегающая к линкору акватория с обоих бортов. Доложил Никольскому. Он подтвердил приказание о переводе ФКП эскадры. Но как его выполнять? Ведь это было уже невозможно. Корабль продолжал крениться. Я спустился на барбет 4-й башни, где был пристроен мой сейф. Видел, как к командующему флотом буквально вскарабкался начальник технического управления ЧФ капитан 1 ранга Иванов, что-то ему доложил и отправился в пост энергетики и живучести (ПЭЖ), где он и погиб со всеми своими механиками.

Когда бортовая броня башни стала почти горизонтальной, мы с рассыльным переставили сейф на броню и перешли на нее. Я еще подумал: почему башни не вываливаются со своих опор? Оказалось, командир дивизиона главного калибра капитан-лейтенант Марченко заблаговременно приказал поставить башни на стопора-подхваты, и мои комендоры (артиллеристы) успели это приказание выполнить. Мы с Марченко оказались рядом. Корабль тем временем продолжал

крениться - крыша башни стала почти вертикальной. А глубоко внизу уже плавают сорвавшиеся в воду люди и по поверхности разливается большое пятно мазута.

Палубное освещение на корабле еще было, и я заметил, как грот-мачта стала быстро клониться на левый борт. Первым полетел в воду сейф, затем мы буквально скатились с брони вниз с высоты метров 13-15. Я летел "солдатиком" и, видимо, нырнул довольно глубоко. Ну, в такие моменты мысли проносятся, как говорится, "быстрее света". За минуту-две, что я был под водой, инстинктивно успел понять, что спастись не удастся - накроет палубой. Мысленно попрощался с женой, детьми - что поделаешь, погиб. Пару раз хлебнул грязной, заиленной и замазученной воды и вдруг...вынырнул. Хватанул воздуха и попытался отдышаться. Увидел днище и киль корабля, людей, карабкающихся по нему, фонтаны воды, бьющие около корабля (воздух вырывался из помещений опрокинувшегося корабля) и множество голов вокруг. И вдруг на меня сзади наваливается и пытается вскарабкаться на спину какой-то, видимо, молодой, плохо плавающий матрос. При этом он не кричит, а издает какой-то звук, похожий на сирену, - парень, очевидно, в шоке. Я ему говорю, чтобы отпустил меня, дотащу его до берега - плавал я хорошо. Но он не понимает, хватает меня за руки, за шею и топит. Я как поплавок: то ухожу под воду, пытаюсь освободиться от захватов, то всплываю, судорожно хватая воздух. И снова он меня топит. Погрузился - ну, думаю, все!

И тут моя левая рука опирается на что-то плавучее и упругое. Оказалось, это дульная крышка от орудия главного калибра - у итальянцев они кожаные, как диванные подушки. Она и помогла мне удержаться над водой секунд пять-семь и хоть чуть отдышаться. Вижу недалеко от меня большой крейсерский барказ освещает акваторию впереди себя мощным фонарем. На нем полно вытасненных из воды, а вдоль борта множество людей в воде держатся за планширь. Мой "спутник" оттолкнулся, в последний раз меня притопив, и ринулся к барказу. Я снова вынырнул. И здесь меня с барказа заметили. Командир батареи крейсера "Фрунзе" старший лейтенант Викулов, он же командир барказа, с криком: "Флагарт тонет!" направил барказ ко мне. Крючковые подцепили меня крюками за китель, подвели к борту и вытащили. Честно скажу, в этот миг у меня не было уже никаких сил. Но голова работала нормально. И когда меня доставили на крейсер "Фрунзе", я уже полностью пришел в себя.

НЕЛЬЗЯ НЕ СОГЛАСИТЬСЯ

Что хотелось бы добавить к рассказанному. Правительственной комиссией, расследовавшей обстоятельства катастрофы 29 октября 1955 года, дана высокая оценка действиям прежде всего личного состава БЧ-5 линкора. Как оперативный дежурный считаю необходимым также отметить доблестное ответственное исполнение своего долга личным составом радио- и сигнальных постов, обеспечивающих в тяжелейших условиях связь "Новороссийска" с кораблями эскадры и берегом. Командир радиотелеграфной группы боевой части связи старший лейтенант Астафьев (командир БЧ-4 был в отпуске) в последний момент успел вывести большинство связистов из постов в нижних помещениях корабля. Но сам, видимо, выйти не успел и погиб. Как флагарт эскадры отмечаю, что бесстрашно, героически действовали и артиллеристы линкора, составлявшие значительную часть аварийных партий корабля. Часть из них погибли, в том числе командир 3-й башни главного калибра старший лейтенант Тюменцев, мужественный, отважный офицер.

Стуки из корабля раздавались до третьего дня. Но помочь гибнущим в чреве "Новороссийска" ни средств, ни сил просто не было. К концу третьего дня корпус корабля погрузился полностью. В первые два дня удалось спасти из опрокинувшегося линкора девять человек. Двоих вывели

водолазы, передав им изолирующие противогазы (ИП). Семь человек высвободили из кормовых дизелей, вырезав часть днища. Когда их на вторые сутки вытащили из отсека, все спасатели были уверены, что спасаемые уже тронулись умом. А они вышли наружу, протерли глаза и первое, что сказали: "Ребята, дайте закурить!"

А оказавшиеся в затопленном корабле пели "Варяга" и "Раскинулось море широко". Представляете, каково это: задыхающиеся люди в постепенно заполняемом водой отсеке, в темноте, когда воздуха все меньше, поют - словно бросают вызов смерти!

Много чего несправедливого говорится в докладе правительственной комиссии, но вот с этим выводом не могу не согласиться: "...Политико-моральное состояние личного состава линкора "Новороссийск", начиная с момента взрыва и до опрокидывания линкора, было высоким, отличным. Не было и следа растерянности, паники, ни одного случая нарушения дисциплины и воинского долга. Наоборот, матросы, старшины и офицеры показывали образцы мужества и героизма. Из множества матросов и старшин, стоявших на палубе тонущего на их глазах корабля, не нашлось ни одного человека, который сделал бы даже попытку прыгнуть за борт, все они стояли на палубе до тех пор, пока буквально не стали скатываться в воду... Матросы, старшины, офицеры линкора, а также аварийно-спасательных команд с крейсеров "Фрунзе", "Кутузов", "Молотов" и "Керчь" в борьбе за спасение корабля показали хорошую выучку, исключительное мужество и самоотверженность и не покидали своих постов до самого последнего момента гибели корабля... Отдельные матросы, старшины и офицеры показали подлинный героизм... Комиссия считает необходимым наградить некоторых из них, в том числе и посмертно..."

Однако никаких наградений тогда не последовало.

Еще несколько фактов катастрофы и деталей из пережитого.

Все аварийные партии с других кораблей эскадры в основном своем составе были заблаговременно с линкора сняты. Но барказ с аварийной партией крейсера "Кутузов" промедлил с отходом от "Новороссийска" и был накрыт сорвавшейся с опор 100-мм зенитной артиллерией. Вся партия с ее командиром старшим лейтенантом Дмитриевым в количестве 27 человек погибла.

Часовой у гюйса взрывом был сброшен за борт (высота борта 7 м). Но карабин не выпустил, вцепившись в него мертвой хваткой. С карабином вынырнул и плавал с ним, пока его не выловили. Вот такой ответственностью обладал этот матрос.

Был и такой курьезно-счастливый случай. Барказ линкора, стоявший под выстрелом у правого борта, взрывом был разбит в щепки. Но старшина и моторист барказа не получили ни царапины. Их вытащили невредимыми.

Был и другой, но печальный случай. Один офицер выбрался из массы плывущих и тонущих людей, доплыл до берега, вскарабкался на причальную стенку у госпиталя. И вдруг упал замертво - сердце не выдержало.

И еще случай личного характера. Через несколько дней раздался звонок в дверь моей квартиры. Жена открыла дверь - стоит офицер. "Возьмите, - говорит, - часы вашего погибшего мужа". Хорошо, я был дома - не знаю, что было бы с супругой. Часы были действительно мои (золотая "Победа"). Я передал их кому-то, когда переодевался на крейсере "Фрунзе", и забыл о них. В сумятице этих дней кто-то решил, что я тоже погиб. А на циферблате 4 часа 15 минут - время, когда опрокинулся линкор и я оказался в воде.